

ЛІНГВІСТИКА ТЕКСТУ

Надежда Иванова

ВСТАВКИ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

У статті репрезентовано новий погляд на природу вставлених конструкцій, яка пов'язана з когнітивним та психічним рефлексом у площині авторського мислення, порушено також проблему змістовної актантності вставлених конструкцій у семантичному просторі тексту.

Ключові слова: вставлена конструкція, мовна особистість, семантичний простір тексту, авторське світосприйняття.

Как известно, в большой литературе нет ничего незначимого, иногда "мелочи" и есть самое важное, в том, что оформлено как попутное замечание, скрывается весьма существенное для автора. На шкале семантически значимых элементов произведения особое положение занимают вставные конструкции.

Исследования вставок мы построили на материале дневниковых записей М. Пришвина. Они, писавшиеся по свежим следам событий, наполнены множественными авторскими комментариями, уточнениями, дополнениями, размышлениями. И эти смысловые фрагменты оформлены писателем в виде структурных вставочных блоков. Его непритязательные жизнеописания – одна из самых ярких и достаточно редких вершин жанра. Страницы его дневников – живая ткань прошлого, полнокровием действительности которого наполняют и жизнеисторические свидетельства, и сама манера письма, отличительной особенностью которой и являются вставки.

Структурная сложность письменной речи вызывает необходимость предварительного продумывания, мысленного черновика (внутренняя речь). Но это касается литературы художественной. Дневник не требует предварительного обдумывания, так как его сутью является моментальное изложение событий или мыслей. Вряд ли можно составить план дневниковой странички; наоборот, внеплановость, несистемность, разрозненность ассоциаций – те особенности, которые создают качественно, принципиально иной способ изложения. В первую очередь, это выражается в семантической структуре текста. Отступление от намеченного повествования, возвращение к событиям в прошлом, попутные ссылки на некоторые ситуации, лица и тут же возникающая потребность в их характеристике, наслаивающийся на всё это сложный комплекс ассоциаций не может не ломать чёткую, классическую, нормированную синтаксическую структуру высказывания. Структура предложения мгновенно реагирует на эти семантические наслоения, перебивы (и не реагировать не может, так как она должна адекватно отражать содержание мысли) и, подстраиваясь под содержание, невольно себя ломает: разрывает устойчивые связи, налаживает новые, в обычных условиях невозможные и недопустимые, какие-то слова без сожаления удаляет, какие-то, напротив, вводит в предложение, не заботясь о том, как они впишутся в него, найдут ли для себя соответствующее место. Вставки, разрушая первичную структуру, создают иную, более семантически насыщенную, эмоционально усиленную.

В литературе о вставках, начиная с известных работ А. М. Пешковского, А. Г. Руднева, Г. Н. Акимовой, И. И. Аникина, Т. А. Колосовой и заканчивая последними публикациями Л. Д. Беднарской, Ю. М. Златопольского, Н. В. Черниковой, С. Г. Онишко, акцент ставится на изучение таких аспектов: 1) история разделения вводных и вставных конструкций, 2) основания для этого разделения, 3) описание структурных типов и семантики вставок, 4) интонационное оформление вставок. За пределами интересов лингвистов пока остаётся вопрос о месте вставок в оформлении эффективной интерактивной модели высказывания, о её смысловой доминантности в предложении. В данной работе представлена попытка разрешить эти проблемные моменты, а конкретная цель исследования может быть определена так: раскрыть особенности механизма включения вставки в предложение и выяснить степень отражения в них особенностей авторской личности.

Л. С. Выготский отмечал: "Порождение речи осуществляется от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию её во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах" [3, с. 375]. Уровень мотива является первым в деятельностных моделях порождения речи. В момент создания текста мотивом может быть

неосознанное стремление к информированию, к изложению эмоций, к рассуждениям, к различного рода выводам и т. д. Мотив (как психологический образ будущего текста) влияет на избрание способа его осуществления, на выбор стратегической программы формирования текста. Но иногда эта чёткая запрограммированность нарушается, и нарушается – что чрезвычайно важно! – осознанно самим автором. Лишь одной своей волей (желанием) автор как бы выходит за пределы реальной речевой ситуации и погружается в иную ситуативную плоскость. В одном высказывании существуют две параллельные ситуации, нарушение автором своей же коммуникативной стратегии происходит неожиданно для самого автора, внезапность и непредсказуемость такого коммуникативного поведения не может не затронуть структуры высказывания. Конечно, она, не успевая перестроиться, ломается; она вынуждена приспособиться к новым установкам и ориентируется мгновенно. И так как нет возможности, – языковые средства предельны, – приспособлять новую, вводимую, часть к уже сформированной, то остаётся лишь один способ её соединить с базовым высказыванием: вставить её в той форме, в том виде, в котором она возникла в авторском сознании. Вот почему возникает ощущение некоторой чужеродности вставки, её самоуверенной претенциозности и эгоцентрической направленности.

Эти качества вставки “оправдываются” той чрезвычайно большой степенью важности её смысла для автора; авторское сознание в иерархии разных смысловых уровней высказывания отводит ей особое место. Появление вставки мотивировано исключительно авторским намерением, поэтому интересно разобраться с сознательной и бессознательной деятельностью адресанта на этапе программирования содержания предложения, который обуславливает расстановку смысловых компонентов. В связи с этим возникает вопрос: а так ли внезапно появляется необходимость ввода в предложение вставки, в какой степени она чужеродна базовому предложению.

М. М. Бахтин говорил: “Всякое высказывание всегда имеет адресата” [2, с. 276]. Это утверждение доказывает свою правильность даже в том случае, когда речь идёт о дневниках. Видимого диалога с потенциальным читателем в них нет, и это даёт больше возможностей сосредоточиться автору на себе, все события рассматривать и оценивать через призму своего восприятия, а независимость от потенциального читателя даёт больше свободы в повествовании. Свободы не только идейно-художественной. Она непременно проявится и в структуре текста. Вольный поток воспоминаний, реминисценций, ассоциаций, сравнений, уточнений, корректировок, дополнений, самоперебивов и т. д. врывается в текст самым непредсказуемым образом. Вставки – очень удачное средство реализовать авторские амбиции.

Конечно, идеальный читатель дневников – сам автор. Кто лучше автора поймёт зафиксированный во вставке вопрос к самому себе, своеобразную программу для себя или косвенный план будущих работ: “Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего (гордого?) человека”; “По-моему, научный интерес к явлению (почему это?) должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание”; “Мнится моя работа в лесу, как современное отшельничество, спасение своей личности (об этом надо много подумать)”; “Первый апрельский весенний день, общее (внутреннее – не от разогрева) тепло... Рыжебородый мужик проехал (сам Апрель – не забыть рыжего!)”. Здесь наблюдается абсолютная репрезентация личностной сферы автора.

Чем уникальны дневниковые записи (даже когда они предполагают в каком-то неизвестном будущем читателя), так это тем, что автор позволяет себе не приспособляться под чужой регистр, всё в его тексте ориентировано на одну личность. Некоторая интимность повествования, присутствующая в таких текстах, позволяет легко и гармонично вводить в них структуры ненормированные, какой, собственно, и является вставная конструкция. Дневниковые записи для пишущего – сверхоткрытое семантическое пространство. Такие тексты – своеобразный образец идиостиля писателя, отражающего не только языковую, вербальную, смысловую составляющую текста, но и личностный тезаурус, языковую личность. Так, очевидно, и возникает метатекст, что, по определению Ю. Н. Караулова, есть “контекст мысли и знания, характеризующего ту концептуальную систему, в рамках которой говорящий мыслит и которая отражает сложившееся в данном социуме видение мира” [4, с. 274].

Вставные конструкции в дневниках М. М. Пришвина можно считать когнитивным и психическим рефлексом в тексте авторского сознания (автор-функция по терминологии Е. А. Селивановой [5, с. 316]). Если в художественном произведении содержательно-концептуальная информация текста декодируется адресатом, т. е. читатель невольно вовлечён в работу по осмыслению текста, тех скрытых, неявных сигналов, которые подаются автором, чтобы понять его

текстовую стратегію, то в дневниках с читателя снимается столь высокое когнитивное и эмоциональное напряжение, автор точно и чётко моделирует смысловую структуру как всего текста, так и отдельных его фрагментов (предложений). Вставка здесь оптимизирует информационное пространство текста тем, что на базе всего массива высказывания формирует концептуально конденсированное содержание. Вставкой автор объединяет части высказывания в континуальное целое. Так, у Пришвина все факты, события, которые ему кажутся недостаточно чётко и полно зафиксированными, тут же обрастают мельчайшими подробностями: *“Вчера мы с Павловной вечером засиделись (я приводил в порядок альбомы) далеко за полночь”*.

Автор не считает нужным скрывать даже самую интимную сферу человека: свои эмоции, сомнения, раздумья: *“Я привык объяснять себе (может быть, ошибаюсь), что побег некоторых писателей в религию объясняется не действительной немочью искусства, а крушением личности художника”*; *“Вчера в “Новом мире” был объявлен рекламный список напечатанных в прошлом году авторов, и вот что меня забыли упомянуть или нарочно пропустили – этот величайший пустяк! – меня расстроило”*.

Абсолютная искренность писателя особым образом раскрывается именно во вставках, Пришвин несколько не приспособляется к возможному читателю, не упрощает и не усложняет ни мысль свою, ни её словесное воплощение. Такие вставки создают ощущение особого доверия к читателю.

Вставка – маркер особого личностного начала высказывания. Дневники, по сути своей, по сравнению с другими формами представления авторского мировосприятия, в наибольшей степени и в наиболее открытой форме показывают автора. И тем не менее, в них могут быть скрыты или даны намёком, полутонем некоторые факты, события, особенно – чувственно-мыслительной сферы.

Вставка в дневниках демонстрирует полную направленность пишущего на себя. В каркасе такого предложения вставка уже не кажется чужеродным элементом, резко нарушающим архитектуру высказывания; наоборот, вставка повышает эффективность его содержания и усиливает эмоциональную составляющую. Вставка становится смысловой доминантой предложения. Тексты воспоминаний, дневников вообще характеризуются нулевой прагматической референцией, а вставки помогают этот пробел убрать: они восстанавливают семантические звенья, – и коммуникативный разрыв устраняется.

Личность автора здесь абсолютно открыта. Такое вербальное представление индивидуально-психологического пространства оказывается сильным ходом текстовой стратегии.

В исследованиях о вставке ей традиционно отводится периферийная синтаксическая позиция. Но они как отражение ассоциируемых образов являют собой на самом деле ключевую часть предложения, появляющуюся незапланированно, непредсказуемо, немотивированно, а значит, – интуитивно, возникающую в подсознательной сфере. Дневниковые записи не предполагают контакта с собеседником, слушающим, поэтому этот монолог, не скреплённый никакими правилами, свободен в синтаксическом рисунке. Вставка как предельно семантически насыщенный узловой компонент предложения заявляет свои особые права на свободу в выборе и синтаксической формы и синтаксической позиции. Но эта позиция, определяемая ассоциативной активностью и смысловой нагрузкой, всегда ключевая. Ценностная ориентация вставки подкрепляется значительной эмоциональной составляющей. Как следствие, вставка привлекает к себе повышенное внимание читателя. В семантической актантиности вставки – её уникальность и специфичность.

В дневниках, в отличие от художественных текстов, представляющих символическую репрезентацию бытия, а значит, «неистинных», предлагающих гипотетическое развитие событий, идёт рассказ о событиях (чувствах, настроениях и т.д.) реальных, которые, отложившись в сознании, всегда связываются с определёнными ассоциациями. И если в художественной литературе автор вынужден ориентироваться на читателя, то в дневниках автор не связан условными рамками жанра и потому может максимально выразить своё «я». Автор здесь представляет абсолютно свободную языковую личность. Говоря о реальности текстов дневников, мы, конечно, учитываем, что есть и художественные произведения, тесно связанные с личностью автора, – творчество М. Цветаевой, А. Блока, Б. Пастернака и др. Но как бы ни были они биографичны, каждая строка в них художественна, представляет ситуации символически, кодировано. В дневниках же домысливания нет.

Вставки в дневниках исключают любую возможность амбивалентных интерпретаций, они, с одной стороны, предельно полно представляют события, с другой – показывают возможный путь возникновения ассоциативной перспективы у автора.

Уникальность вставки позволяет изучать её не только с лингвистических, но и с когнитивных, психологических позиций: они ведь всегда возникают на ассоциативных и персуппозиционных основаниях. Автор останавливает своё повествование, чтобы не столько устранить возможные неясности, сколько уточнить уже сказанное, или пояснить свои мысли, или охарактеризовать что-то в сообщении, – словом, скорректировать содержание. При этом, вставки не являются семантически избыточными, напротив, – они предельно необходимы автору, они представляют собой особый смысловой акт в созданном семантическом пространстве.

Мыслительный центр предложения перемещается именно во вставную конструкцию. В текстах, подобных дневникам (воспоминания, эссе, записки), личность автора (как и его задачи, художественные желания) имеет определённое значение, и именно их реализации подчинено всё семиотическое пространство текста.

Собственно лингвистическая особенность таких построений заключается в том, что они в плане конструирования подобны всем другим предложениям. А по замечанию Т. В. Ахутиной, “письменная речь требует постоянной заботы о понятности сообщения для читателя, поэтому она не допускает пропусков” [1, с. 189]. Боязнь нарушить логику своего повествования и упустить чрезвычайно важный его элемент обязывает автора не переносить этот узловый компонент в другую часть высказывания или вообще выделить в самостоятельное предложение. Невозможность нарушения логики смысла приводит к нарушению структурной синтагматики.

Автор для сохранения предельной смысловой полноты и понятности особым образом организует композицию из строевых элементов и специально нарушает конвенциональную цепочку звеньев. В результате этого вставке отводится особая роль: роль своеобразной ремы. В одной из своих работ, в которой рассматривались функции вставных конструкций, нами отмечалось, что без вставки референтная недостаточность базисной (вводящей) части предложения определяет его общую информативную недостаточность; предложение образует законченное информативное целое только в сочетании со вставкой [4, с. 29]. Вставки, выделяясь в предложении, в то же время органично включаются в его состав благодаря своей текстообразующей роли.

Вставки, становясь семантическими маркерами, активизируют сюжетную динамику и эффектную манифестацию свободы авторского самовыражения.

В данной работе нет ответов на все возможные вопросы, возникающие при исследовании этого явления, но намечены векторы его изучения, кажущиеся актуальными и перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 215 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 368 с.
4. Иванова Н. И. Вставные конструкции и аспекты их изучения / Н. И. Иванова // Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. пр. – К. : Знання, 2004. – С. 25–31.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов [отв. ред. Д. Н. Шмелев]. – М. : Наука, 1987. – 298 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.

Nadezda Ivanova

Parentheses as manifestation of the language personality

The article presents a new vision of the nature of parenthetical constructions connected with cognitive and psychic reflex in the sphere of the author's consciousness. The problem of sense actantacy of the parentheses in the text semantic space is also considered.

Key words: parenthetical construction, language personality, text semantic space, author's world outlook.